

Н. В. Шлыгина

О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ПОСТРОЕК КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА В ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ

В современной советской этнографии большое место занимают региональные исследования. Они ведутся, в частности, и в Восточной Прибалтике, которая особенно интересна в том отношении, что представляет собой как определенный географический регион, так и особую историко-культурную область, заселенную тремя коренными народами — эстонцами, латышами и литовцами¹.

Ведутся исследования особенностей и истории формирования различных элементов традиционной культуры в общерегиональном масштабе. Опубликована пока лишь монография А. Вийреса, рассматривающая в пределах всего региона крестьянские транспортные средства², но уже подготовлены первые выпуски «Историко-этнографического атласа Прибалтики», над которыми работал большой коллектив этнографов Прибалтики и Москвы³.

Картографирование этнографических явлений, наглядное отражение их распространенности неизбежно ставит при анализе полученных результатов новые проблемы и помогает осознать задачи дальнейших исследований. Мы остановимся лишь на некоторых проблемах, возникших еще на стадии составления региональных сводных карт одного из выпусков атласа, посвященного крестьянским постройкам (автор статьи является куратором этого раздела).

В свое время при составлении проспекта этого раздела атласа его рабочий коллектив решил картографировать все (насколько это позволят материалы) постройки, входившие в состав крестьянского двора. Некоторые результаты работ, проводившихся по этой теме в республиках, были опубликованы в ходе подготовки атласа⁴.

Крестьянский двор, представляющий собой на определенном историческом этапе самодовлеющую социально-экономическую единицу, заслуживает всестороннего изучения, и в частности как ячейка, изучение которой позволяет получить детальную картину крестьянского быта, с теми подробностями и взаимосвязями, которые неизбежно ускользают из поля зрения исследователя при анализе материалов в более широких масштабах.

¹ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — Сов. этнография, 1955, № 4, с. 3—17; Моора Х. А., Моора А. Х. К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики. — Сов. этнография, 1960, № 3, с. 21—51; Терентьева Л. Н., Шлыгина Н. В. К вопросу о формировании этнографических границ Прибалтийского региона. — Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 26—39.

² Viires A. Talurahva veovahendid. Tallinn: Valgus, 1980.

³ Подробнее см.: Терентьева Л. Н. Из опыта работы по этнографическому картографированию. — В кн.: Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М.: Наука, 1975, с. 3—10.

⁴ Литература по этой теме достаточно обширна, и приводить ее в настоящей статье полностью не представляется возможным. По ходу изложения мы ограничиваемся лишь ссылками на важнейшие работы.

Сопоставление построек крестьянского двора в пределах всего региона вполне правомерно, так как вся территория Восточной Прибалтики (исключая приморскую рыболовецкую зону) принадлежала к одному хозяйственно-культурному типу земледельцев лесной полосы Восточной Европы⁵. Благодаря этому и состав построек крестьянского двора, сложившийся в сходных бытовых и хозяйственных условиях, должен был быть относительно однородным. Разумеется, «усредненные» крестьянские дворы, фигурирующие в атласе, имели в действительности в разных частях региона отличия по средней величине надела, количеству тяглового, молочного и мясного скота, а также по числу обитателей. Но при их сопоставлении в ходе разработки типологии на первый план выступают локальные различия, возникшие с течением времени и связанные с традиционным бытовым укладом.

Выявление этих особенностей и анализ причин их возникновения представляет для этнографов особый интерес. Об их наличии в Прибалтийском регионе было известно по ранее проводившимся исследованиям, хотя они велись преимущественно в пределах отдельных республик. Особенно основательно в этнографической литературе исследовалось жилище, т. е. основная постройка крестьянского двора, которая к тому же имела в Прибалтике наиболее ярко выраженные типологические различия. Исследователей привлекал как анализ особенностей каждого из типов жилища, так и вопрос об их распространенности в регионе⁶.

Общезвестно, что ареалы отдельных этнографических явлений редко совпадают с границами расселения какого-либо одного народа. Это в значительной мере характерно и для распространения различных типов жилища у народов Прибалтики. На территории региона существовало три основных типа жилого дома, и локализовались они следующим образом.

На севере господствовала так называемая «жилая рига». Ареал ее занимал всю Эстонию (исключая побережье Чудского озера и крайний юго-восток) и северо-западную часть Латвии — Видземе.

Второй тип — дом с теплыми сенями (или дом с очагом в сенях) был распространен в западных частях Латвии и Литвы, причем на северо-западе Латвии, в Видземе, он сосуществовал с жилой ригой. В Литве дом с теплыми сенями в его классической форме характерен для Жемайтии. Следы его прослеживаются и в Занеманье, где в середине XIX в., т. е. в то время, с которого начинается рассмотрение этнографических материалов в атласе, он уже был вытеснен более развитой формой жилища. В Эстонии жилище с очагом в сенях встречалось в единичных случаях на островах, а также было распространено у прибрежных шведов-айбо.

Третий тип — дом с холодными сенями и духовой («русской») печью — занимал восточную часть региона. В Эстонии он известен у русского населения на узкой полосе по берегу Чудского озера и на крайнем юго-востоке у сету, православной группы эстонцев, испытавшей сильное славянское влияние. В Латвии зона восточного типа жилища была значительно шире, она захватывала всю Латгале и часть Земгале, а в Литве — всю Аукштайтию. При этом следует напомнить, что территория распространения этого типа жилища в Прибалтике представляет собой лишь периферию большого ареала, основная часть которого лежит на территории расселения восточных славян.

Наряду с этими типами в Прибалтике встречались различные переходные и смешанные формы и локальные варианты жилища, что в данном случае можно оставить вне рассмотрения.

⁵ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 4.

⁶ Kundzins P. Dzīvojamā rīja Latvijā. Rīgā, 1934; Manninen I. Die Sachkultur Estlands. B. II. Tartu, 1933; Ränk G. Saaremaa taluehitised I. Tartu, 1939; *idem*. Die Bauernhausformen im Baltischen Raum. Würzburg, 1962 etc. Над картами атласа по разделу «Жилище» работали: в Эстонии А. Петерсон, в Латвии А. Красынь, в Литве И. Буткявичюс, в Москве Л. Н. Терентьева и Н. В. Шлыгина.

Карты распространения основных типов жилища народов Прибалтики публиковались в Советском Союзе еще до начала работы над атласом, появились они и в зарубежной литературе⁷.

Типология жилища народов Прибалтики разработана достаточно четко и основана на общепринятых признаках: форме очага (печи) и соотношении его местоположения с общей планировкой постройки. Указанные два момента, как и обычно, связаны и с различиями функций очагов и помещений, причем именно функциональные отличия часто выступают на первый план.

Это ярко проявляется, в частности, в северном типе жилища и отражается в его названии «жилая рига», говорящем об основной функциональной особенности этого типа: осенью, в период обмолота, такое жилище использовалось и для просушки снопов. Сочетание жилой и хозяйственной функций этой постройки отразилось на ее планировке. Вторым помещением, соединявшимся под одной крышей с жилищем-ригой, было гумно, где обмолачивали хлеба. Остальное время года гумно служило для хранения сельскохозяйственного инвентаря, зимой туда нередко ставили и скот. Особые жилые каморы появились относительно поздно и первоначально были холодными. По мере их развития складывается трехраздельная форма жилища, в центре которого находилась собственно жилая рига, а по сторонам ее — гумно и каморы. Жилое помещение, приспособленное для сушки снопов и снабженное колосниками, было выше других частей дома. Это отражалось на всей конструкции постройки. Печь в жилой риге служила для обогрева ее в холодное время года; в этой же печи пекли хлеб, осенью ее топили для сушки снопов. В прошлом печь складывали из дикого камня, гранитного валуна или плитняка. Она была тяжелой, массивной, с толстыми стенками. Опечь не делали, так что под практически находился на уровне пола. На верхнем своде печи складывали каменку — грудку камней, долго сохранявших тепло и после топки, что было важно как в холодные дни, так и при сушке снопов. Отличительной чертой этой печи было также конструктивное соединение с ней открытого очага для варки пищи, расположенного перед устьем печи, часто снабженного сверху колпаком, защищавшим потолок от искр, и обнесенного оградкой. Над очагом крепились подвесные котлы.

Таким образом, в жилой риге обнаруживается сочетание отопительно-рижно-хлебной печи и открытого очага для варки пищи, составлявших долгое время единственный многофункциональный очаг, вокруг которого в холодное время года концентрировалась вся жизнь семьи.

Отличительной чертой западного типа жилища было наличие двух очагов: печи в жилом помещении и открытого очага в сенях. Типичным был вывод устья печи в сени, откуда и производилась ее топка. Последнее обстоятельство имело немаловажное значение в быту. Во-первых, при топке печи дым, от которого обычно страдали люди при курных печах, не проникал в жилую часть. Во-вторых, жилище лучше обогревалось, так как во время топки печи не нужно было открывать дымоходы и двери, как это приходилось делать в жилой риге или курной избе. Сени служили и кухонным помещением: пищу готовили на устроенном здесь открытом очаге; здесь сажали в печь хлебы для выпечки. Таким образом, сени были важной частью жилого дома, неразрывно связанной с ним функционально. Жилое помещение благодаря выводу устья печи в сени было несколько более благоустроенным, чем рига, а функции его благодаря наличию кухни-сений носили несколько более узкий характер.

Печь в этом типе жилища отличалась от печи жилой риги прежде всего отсутствием каменки. В своих развитых формах эта печь часто имела невысокое опежье из камня. Теплоотдачу старались увеличить,

⁷ Терентьева Л. Н. Основные итоги изучения жилища народов Прибалтики. — Вопросы этнической истории народов Прибалтики/Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 348; Rank G. Die Bauernhaustypen.... S. 39.

вмазывая в печь вогнутые кафели, устраивая вокруг нее каменную скамью с дымоходом внутри и т. д. Открытый очаг в сенях мог располагаться перед устьем печи, но чаще он сооружался несколько в стороне, так что конструктивной связи печи и очага, как в жилой риге, здесь не было.

Жилище с холодными сенями хорошо известно по восточнославянским материалам и не требует поэтому детального описания. Отметим лишь его основные отличия от северного и западного типов жилища Прибалтики.

Сени здесь были холодным помещением; они защищали жилую часть дома от холода и использовались в основном как подсобное помещение. Печь, расположенная в избе, имела ряд особенностей, как конструктивных, так и функциональных. В первую очередь она отличалась от вышеописанных печей тем, что в ней варили еду. Характерной конструктивной чертой ее было высокое, срубное опечье, выступавшее перед устьем и образовавшее шесток. Высокое положение пода печи облегчало работу хозяйки во время приготовления пищи. На шестке перед устьем печи можно было разводить огонь. Но в основном пища варилась внутри печи, что приводило к формированию иных традиций питания, к чему мы еще вернемся.

В прошлом в крестьянских домах, как правило, было лишь одно теплое помещение, в котором зимой сосредоточивалась вся жизнь семьи. (Различные виды обогревательных щитов, плит, печей-голландок и т. п. распространились в Прибалтике в основном во второй половине XIX в.) При этом не следует забывать, что в крестьянских дворах, особенно там, где они благодаря ограничению семейных разделов были довольно крупными, до отмены крепостного права и барщины было довольно велико число обитателей. Если рабочих рук в собственной семье не хватало, то держали батраков и батрачек; кроме того, на разных условиях во дворе нередко жили постояльцы-подворники из числа безземельных, просто волостные нищие и т. д. Зимой в холода в жилом помещении держали домашнюю птицу и новорожденных телят и ягнят.

Крестьяне обычно страдали от недостатка надворных построек и испытывали трудности, когда возникала необходимость их ремонта, так как поместная администрация чинила препятствия в получении строительного леса. Тем не менее число хозяйственных построек в среднем крестьянском хозяйстве было не так уж мало.

Как правило, крестьянин имел хлев, клети, баню, сарай и т. д. Часть этих построек использовалась и в качестве дополнительных жилых помещений, в первую очередь клети. Обычно их было две: одна для хранения припасов, в основном зерна и муки, вторая — для одежды и другого имущества, летом она служила и помещением для жилья; здесь обычно ночевала молодежь, чаще всего девушки. Это характерно для всего региона, и клети у всех трех народов Прибалтики с точки зрения их функционального использования однотипны. Различия отмечаются в отдельных особенностях их планировки, конструктивных деталях, декоративных элементах и т. п. Эти различия носили преимущественно локальный характер, в то время как экономические причины сказывались в большей мере на числе и размерах этих построек.

Некоторые из надворных строений были распространены не столь широко. Это наблюдение относится в первую очередь к постройкам с очагом. Особенности их распространения в ряде случаев не требуют специального анализа, так как причины этого явления совершенно ясны. Так, например, обстоит дело со снопосушильнями. Северный тип жилища, имевший также и функции риги, естественно, исключал потребность в отдельной риге. Риги были распространены лишь там, где жилищем служил дом с теплыми сенями или изба восточнославянского типа. В ареале северного типа жилища отдельные снопосушильни строились только в помещичьих хозяйствах. У крестьян они получили известное распространение в то время, когда жилая рига стала выходить из употребления, но ручной обмолот зерновых, требовавший их предварительной про-

сушки, все еще сохранялся. Прямая связь между функциональной особенностью северного типа жилища и границами ареала снопусушилен в Прибалтике совершенно очевидна.

Несколько сложнее обстоит дело с формированием ареалов некоторых других построек с очагом, в частности летних кухонь⁸. Ареал летней кухни охватывал почти всю Эстонию, исключая только ограниченную область распространения восточного и западного типов, т. е. ее не было у причудского русского населения, эстонцев-сету и прибрежных шведов. В Латвии летняя кухня имела распространение в Видземе, северной Латгале и на северо-западе Курземе. На территории Литвы летняя кухня в прошлом вообще не была известна⁹.

Известно несколько форм летних кухонь, причем основных было две: конический шалаш и прямоугольная срубная, а в некоторых местностях сложенная из камня постройка. Следует подчеркнуть, что изучение форм этой постройки и связанной с нею терминологии в сочетании с археологическими материалами представляет большой интерес для исследования истории развития жилища в Восточной Прибалтике. Однако это проблема, подлежащая специальному рассмотрению. В настоящей статье мы коснемся только вопроса о том, как сочетались функции летней кухни и ее очага с функциями основного очага жилого дома.

Функции летней кухни известны достаточно хорошо: на ее открытом очаге летом варили пищу, грели воду для стирки и мытья, здесь готовили пиво, варили мыло, обрабатывали туши забитого скота и т. д. В отдельных местностях к летним кухням прямоугольного плана пристраивалось помещение, служившее для трапез в теплое время года, в других местах встречались кухни с печью для выпечки хлеба и т. п. Наряду с летними кухнями пользовались и просто очагами, сложенными под открытым небом, служившими, правда, в основном не для варки пищи, а для кипячения белья, крашения пряжи и тканей и т. п. При этом для нас важен вопрос, насколько летняя кухня была необходимой и насколько это зависело от типа жилища. Там, где господствовало жилище северного типа, именно многофункциональность печи определяла необходимость дополнительного очага вне жилой части дома. В период сушки снопов жилой ригой было невозможно пользоваться как жилищем и тем более разводить огонь в открытом очаге перед печью — это могло привести к пожару. Кроме того, и в теплое время года, когда печью риги почти не пользовались (исключая выпечку хлеба), стремились огня в очаге не разводить, чтобы избежать дыма и чада. Таким образом, все теплое время года и вплоть до окончания молотбы пища в основном готовилась в летней кухне.

Естественно, что летняя кухня получила в ареале жилой риги (в Эстонии и северо-западной Латвии) повсеместное распространение в силу необходимости и стала исчезать только с появлением в доме более совершенных видов печей с дымоходами, плит, а также с развитием специальных кухонных помещений.

Летняя кухня распространена и в тех частях Латвии, где господствовали западный и восточный типы жилища, но не повсеместно. Это требует объяснения. Разумеется, распространение летней кухни в Латгале в определенной мере может быть объяснено простой диффузией явления из основного его ареала, т. е. из южной Эстонии и Видземе, на соседнюю территорию. Распространение летней кухни в Курземе можно, — как это и делалось некоторыми авторами, — связывать с тем, что традиция пользования ею восходит к местному ливскому населению, тем более, что ее ареал здесь в основном совпадает с древней территорией их расселения. Можно вспомнить и о довольно тесных контактах между по-

⁸ Над картами по летней кухне работали: в Эстонии Г. Троска, в Латвии А. Крastyнь.

⁹ Подробнее о летних кухнях см.: Ränk G. Die Bauernhausformen..., S. 18—19; Saaremaa taluehitised, lk. 275 jj; Manninen I. Op. cit., S. 243—249; Bielenstein A. Die Holzgebäude und Holzgeräte der Letten, 1—2. Pg., 1907—1918; Troska G. Suvekõõgid Eestis.—Etnograafiamuuseumi aastaraamat XXX. Tallinn, 1977, lk. 95—128.

дуостровом Курземе и эстонским островом Сааремаа. Нам, правда, представляется, что прежде, чем окончательно ответить на этот вопрос, следует уточнить границы ареала летней кухни как в латгальской, так и в курземской части Латвии на более ранних этапах, не входящих в хронологические рамки атласа ¹⁰.

Но само по себе решение проблемы о границах распространения летней кухни не снимает необходимости рассмотрения ее функций в этих частях ареала, что может в свою очередь дать некоторые материалы для анализа причин ее распространения.

Напомним, что в жилище западного типа открытый очаг, на котором готовили пищу, находился в сенях. Пользоваться им можно было круглый год и поэтому как бы не было прямой необходимости в летней кухне. Однако материалы, которыми располагает этнография о жилище западного типа по всему рассматриваемому региону, показывают, что в его ареале даже там, где не было летних кухонь, в какой-то мере пользовались дополнительными открытыми очагами. Так, в частности, известно, что в Литве в Жемайтии довольно долго, вплоть до середины XIX в., наряду с основным жилым домом в крестьянских дворах сохранялись еще, хотя и редко уже, жилища старого типа — *нумасы*. Эта постройка, в которой был лишь один очаг открытого типа, в то время использовалась иногда (в богатых дворах) как жилище для батраков или как хозяйственное помещение, обычно хлев. В последнем случае открытый очаг служил прежде всего для приготовления покла скоту. В те времена, когда нумас был более распространен в качестве второй постройки, вероятно, его очаг также шире использовался. Можно думать, что в ареале западного жилища как летняя кухня в Курземе, так и очаг в нумасах в Жемайтии использовались в основном не для варки пищи, а для других хозяйственных нужд — приготовления корма скоту, нагрева воды для мытья и стирки и т. п. Однако характер использования этих подсобных очагов следует изучить детальнее. Это позволило бы с большими основаниями рассматривать и причины распространения летней кухни в Курземе.

Не менее интересен вопрос об использовании летней кухни в Латгале. Распространение ее здесь легко объяснить, как уже говорилось, проникновением этой постройки с соседних территорий. Но при этом следует помнить, что Латгале — это практически единственное место, где летняя кухня встречается в ареале жилища с русской печью ¹¹. Приготовление пищи в русской печи определяло во многом режим дня и питания. Печь топили ежедневно рано утром, и пища, сваренная в ней, оставалась внутри печи горячей до обеда и теплой до ужина. Варка еды в печи определяла формы утвари и характер приготовляемых блюд; открытый очаг не мог служить настоящей заменой печи. Открытый огонь на шестке печи разводили обычно для подогрева пищи, кипячения воды, варки картофеля и т. п. Стабильные конструкции для подвешного котла на шестке печи — вмазанные крюки и вращающиеся кронштейны — в середине XIX в. встречались преимущественно у карел, на юго-востоке Эстонии у сету и в Латгале ¹². В Аукштайтии они в это время уже исчезли, хотя есть упоминания о существовании их там в прошлом. Обращает на себя внимание тот факт, что территория распространения летней кухни в Латгале в известной мере совпадала с ареалом позднего сохранения подвесных котлов на шестке, а также стабильных открытых очагов во дворе усадьбы.

Для уточнения причин распространения летней кухни необходимы и детальные данные об ассортименте блюд и режиме питания у латгаль-

¹⁰ Ränk G. Die Bauernhausformen..., S. 18—19.

¹¹ Только у украинцев в южных районах их расселения существовали уличные печи, но все же не открытая форма очага. См. Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник (ТИЭ, т. XXXI). М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 264.

¹² Это отнюдь не противоречит той точке зрения, что шесток представляет собой рудимент открытой формы очага. См.: Бломквист Е. Э. Указ. раб., с. 253—254.

ского населения: возможно, они были близки к традициям остальной Латвии, где пищу готовили в подвесном котле. Однако этот вопрос пока не изучен. Совершенно очевидно также, что отсутствие подвесного котла в Аукштайтии как на шестке, так и в надворных строениях связано и с различиями в традиционной пище западной и восточной Литвы.

Не подлежит сомнению, что при изучении комплекса построек крестьянского двора необходимо располагать точными сведениями об их функциональном использовании и знанием всех сторон быта крестьянского населения.

Между тем именно с недостаточной изученностью вопросов, связанных с использованием построек, мы сталкиваемся и при рассмотрении других крестьянских надворных построек с очагом, в частности бани. Ареал бани, как хорошо известно специалистам, не покрывает всей Восточной Прибалтики¹³. Здесь есть два «белых пятна»: бани отсутствуют на северо-западе Эстонии и на юго-западе Литвы. В обоих случаях вдоль границы ареала идет полоса слабого распространения бани. Происхождение этих двух белых пятен имело разные причины. Отсутствие бань почти на всей территории Занеманья и бывшего Клайпедского края, входивших в свое время в состав Прусского герцогства, было результатом запрета их местной администрацией, запрета, который поддерживался и церковью. В связи с этим уже в конце XVII в. здесь исчезают паровые бани и укрепляется традиция мытья в деревянных лоханях в стенах жилого дома.

Иначе обстояло дело в северо-западной Эстонии. Нет сведений о существовавших здесь каких-либо запретах, и определить причины возникновения «белого пятна» весьма трудно. Оно находится, так сказать, внутри ареала бани; ведь бани распространены и на северном побережье Эстонии, и на эстонских островах. Установить, не получила баня здесь распространения благодаря какой-то специфике продвижения этого явления (в форме срубной постройки) с юго-востока на северо-запад или она все же когда-то здесь существовала и затем исчезла по неизвестной нам причине,— вопрос, пока остающийся не разрешимым, хотя по этому поводу высказывалось немало гипотез¹⁴. Для нашей темы важна другая сторона вопроса: как известно, несмотря на отсутствие паровых бань на северо-западе Эстонии, традиция парового очищения тела здесь все же существовала, хотя и в редуцированной форме — парились в самой жилой риге. Печь риги, имевшая каменку, представляла для этого вполне достаточные возможности. Однако мыться таким образом было удобно до тех пор, пока холода не заставляли сконцентрировать всю жизнь семьи в этом помещении. Зимой в риге устраивали паровое мытье лишь перед большими праздниками, что, несомненно, в целом приводило к формированию иных гигиенических навыков, чем в тех частях Эстонии, где бани были в каждом дворе.

Баню недостаточно рассматривать как постройку, предназначенную только для мытья. Прежде всего напомним, что самое парение в бане считалось способом не только очищения тела, но и общей закалки организма, лечения от простуд и т. д. Баня служила и местом лечения: народные врачеватели ставили здесь банки, делали больным массаж, здесь же знахари прибегали к различным магическим приемам. С баней и ее печью всегда связывались суеверия, магические обряды и представления об охраняющих ее духах. Предполагалось, что в ней живут «хозяин» (или «хозяйка»), которых нужно благодарить после посещения бани; в бане следовало вести себя тихо и почтительно и т. д. Мытье в бане входило как обязательный момент в различные календарные и семей-

¹³ Подробнее см.: *Talve I. Bastu och torkhus i Nordeuropa*. Stockholm, 1960, p. 402—433; *Tõnson H. Saunad Eestis*.— *Eesti Rähva Muuseumi Aastaraamat*, IV. Tartu, 1928; *Habicht T. Eesti saun*. Tallinn, 1972. Над картами атласа по бане работали: в Эстонии Т. Хабихт, в Латвии А. Крастынь, в Литве И. Буткявичюс.

¹⁴ *Tõnson H. Op. cit.*; *Vilkuna K. Eesti-soome sauna arengust*.— *Fenno-Ugrica* VB, Tallinn, 1936; *Talve I. Virolainen sauna*.— *Scripta Ethnologica* 5. Turku, 1960.

ные праздники. В определенные дни года в бане гадали девушки, стремясь узнать свое будущее¹⁵.

Благодаря наличию печи баня могла использоваться как дополнительное жилое помещение. Так, например, в Эстонии крестьянки уходили жить в баню на время родов¹⁶. Кроме того, в банях нередко жили круглый год одинокие безземельные старики, а иногда ютились и целые семьи батраков. Во время мытья в бане им приходилось выносить свои вещи в предбанник. В некоторых местностях Эстонии и Латвии в больших дворах бани вообще строились со специальной каморой, предназначенной для наемных батраков¹⁷.

Использовалась баня и для различных хозяйственных нужд. В ней сушили лен, готовили солод для варки пива. В некоторых местностях Латвии и Литвы на чердаке бани делали специальные срубные приспособления для сушки солода. Интересно, что в юго-западной Литве, где паровое мытье, как упоминалось, вышло из обихода, самые постройки бань долго еще служили для сушки льна. Следует также упомянуть, что в ареале летних кухонь в Эстонии и в известной мере в Латвии кое-где было принято соединять баню и летнюю кухню под одной крышей или просто использовать предбанник как летнюю кухню, устраивая в нем открытый очаг. Это было естественное объединение двух построек с очагами под общей крышей, тем более что таким образом одновременно решалась и проблема горячей воды для мытья в бане. Известно, что в ряде районов существовал обычай греть воду для мытья именно в летней кухне, а затем уже носить ее ведрами в баню. При соединении бани и летней кухни это значительно упрощалось. Кроме того, обе постройки были огнеопасны и их старались ставить на известном расстоянии от жилища, клетей и т. д.

Однако следует отметить, что практические цели не всегда играли решающую роль в использовании бани для каких-то вторичных нужд. В некоторых случаях этому препятствовали представления о бане как месте обитания различных духов. Как уже упоминалось, в Эстонии считалось, что в бане живет дух-хранитель, в Литве именно в баню «приглашали» души умерших в определенные памятные дни. В Карелии, в частности, баня считалась особо чистым местом, и использовать ее для хозяйственных нужд было нельзя, ни стирать, ни даже замачивать белье в ней не разрешалось. Сказанное мы вынуждены заключить констатацией того, что с точки зрения функционального использования и обрядности баня в Прибалтийском регионе изучена недостаточно. Так, в частности, известно, что в свадебных обрядах баня в Прибалтике по сравнению, например, с великорусскими традициями играла значительно меньшую роль¹⁸. Но пока это в основном общее положение, за которым не стоит детальных исследований свадебной обрядности, связанной с баней, у народов Прибалтики. Между тем анализ свадебной обрядности мог бы дать материал к истории бани.

Наше внимание было обращено в первую очередь на те надворные постройки, в которых имелся очаг, так как его использование должно было в известной мере определяться функциями очагов (печей) жилого дома.

Животноводческие постройки функционально были более обособлены, но при систематическом анализе всего комплекса строений крестьянской усадьбы их рассмотрение дает важный материал уже в силу локальных различий в хлевах этого региона. Изучение их в процессе подготовки атласа способствовало выяснению происхождения, развития и формирования этой местной специфики¹⁹.

¹⁵ *Habicht T.* Op. cit., lk. 90—93, 103—117.

¹⁶ *Ibid.*, lk. 106—108.

¹⁷ *Rank G.* Die Bauernhausformen..., S. 30—31; *Bielenstein A.* Op. cit., S. 110; *Habicht T.* Op. cit., lk. 123.

¹⁸ Ср., например, *Vahros I.* Zur Geschichte und Folklore der grossrussischen Sauna.— *Folklore Fellow Communications*, № 197. Helsinki, 1966.

¹⁹ Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики (в частности, см. статьи Л. А. Думпе и Р. В. Меркене).

Определенные взаимосвязи животноводческих построек с другими строениями двора, разумеется, также существовали. Для некоторых районов было характерно содержание зимой молодняка в жилом помещении. Чтобы кормить скот и ухаживать за ним, требовалось подогревать воду, готовить теплое пойло и т. д., так что необходим был какой-то очаг. Однако все это составляет особую область трудового быта крестьян, заслуживающего специального рассмотрения.

Представляется, что два приведенных примера — летней кухни и бани — убедительно показывают, насколько важно для решения широких проблем детальное знание форм, функций, взаимосвязи и взаимозаменяемости построек крестьянского двора. Это предполагает и хорошую изученность всех сторон домашнего быта крестьян, как материального, так и духовного.

Региональное изучение Прибалтики, несомненно, позволяет достичь существенных обобщений, характеризующих эту историко-культурную область, рассмотреть факторы, влиявшие на ее формирование в целом, на ход и особенности культурных процессов у каждого из народов региона. При этом время от времени необходимо возвращаться к изучению этнографических явлений, так сказать, на молекулярном уровне, в частности к детальному исследованию быта крестьянского двора.

В. С. Цой

ИЗУЧЕНИЕ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ КОРЕЙЦЕВ КАЗАХСТАНА

В советской этнографической литературе, посвященной корейцам Средней Азии и Казахстана, имеются работы, в которых семейная обрядность рассматривается как наряду с другими элементами культуры и быта¹, так и специально². Однако эта сторона жизни корейцев, на наш взгляд, до сих пор остается наименее исследованной. Настоящая статья, не претендуя на исчерпывающее освещение проблемы, имеет целью в определенной степени расширить наши представления об обрядности жизненного цикла корейцев Казахстана. При ее написании были использованы полевые материалы, собранные автором в ходе экспедиционной работы в Джамбулской и Талды-Курганской областях Казахской ССР.

Для этнического развития корейцев Средней Азии и Казахстана характерны три основные тенденции: 1) сохранение и развитие традиционных элементов, 2) широкое проникновение в их культуру черт общесоветской культуры, 3) заимствования из культур коренных народов региона³. Однако семейная обрядность обнаруживает, в отличие от других сфер жизни корейцев, значительную устойчивость национальных традиций, хотя и здесь заметны серьезные перемены. Это относится и к детской, и в еще большей степени к похоронно-поминальной обрядности.

¹ Например: *Джарылгасинова Р. Ш.* Культура и быт корейцев совхоза «Раушан» Кунградского района Кара-Калпакской АССР. — Краткие сообщения Ин-та этнографии. В. 35. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 54—63; *ее же*. Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана. — В кн.: Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1980, с. 43—73; *Ионова Ю. В.* Корейцы. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 564—581.

² *Джарылгасинова Р. Ш.* Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968, с. 343—349.

³ *Джарылгасинова Р. Ш.* Основные тенденции этнических процессов, с. 46.